

РАЦИОНАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИИ КАК ВОССОЗДАНИЕ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Агафонова Т.П.

Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал), ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Таганрог, e-mail: vitl_2002@list.ru

В статье рассматривается малоисследованная проблема, связанная с рациональным конструированием истории как воссозданием правовой реальности. Проблема реконструкции предмета исторического исследования в условиях современного развития науки может, в определенной степени, получить импульс через создание общего методологического поля исследования сущности и основных категорий отражаемой объективной истории. Рационалистический дискурс состоит в выяснении причин исторического факта, его сущности, его связей с другими явлениями и закономерностями, в определении тенденций развития и т.д. Понятие исторического процесса имеет полностью определённые характеристики. В то время как речь заходит о социальных процессах, скорее следует говорить о социальных изменениях. Показано, что если в ретроспективе модели происходившего процесса изменения правового объекта представляют ту или иную рациональную интерпретацию объективно случившегося, то модели процесса исторических изменений, через которые исследователь выдвигает процесс в будущее.

Ключевые слова: рациональное конструирование, рационалистический дискурс, правовая реальность, правовой объект, исторический процесс, социальное изменение, рациональная интерпретация, право в истории

RATIONAL CONSTRUCTION OF HISTORY AS A RECONSTRUCTION OF THE LEGAL REALITY

Agafonova T.P.

*Taganrog Institute n.a. Anton Chekhov (branch) «Rostov State University of Economics»,
Taganrog, e-mail: vitl_2002@list.ru*

The article examines the little-studied problem involving rational construction of history as a reconstruction of the legal reality. The problem of reconstruction of the object of historical research in the modern development of science may, to some extent, to get a boost through the creation of a common methodological field study of the essence and the main categories are measured in objective history. Rationalist discourse is to explain the causes of historical fact, its essence, its relationship to other phenomena and regularities, tendencies, etc. The concept of the historical process is fully defined characteristics. While it comes to social processes, rather, we should talk about social changes. It is shown that if in retrospect the model occurred in the process of changing the legal object represent objectively reasonable interpretation of the incident, the models of the process of historical changes through which the researcher puts forward the process in the future.

Keywords: rational design, rational discourse, legal reality, legal object, the historical process of social change, rational interpretation, law in history

Проблемы, связанные с рациональной реконструкцией исторического процесса, как, впрочем, и многие другие социально-гуманитарные проблемы, прежде всего нуждаются в концептуальном прояснении и экспликации основных терминов, так как иначе целый ряд подобных и иных проблем фактически нуждаются во вторичном прояснении.

В рамках обсуждения проблем, связанных с прояснением основных понятий исторического процесса, предполагаем использовать те категории понятий, которые, на наш взгляд, наиболее адекватно отражают исторический процесс, но с другой стороны, мы предполагаем ситуации, в рамках которых общепринятые понятия, которые использовались рядом ученых, историков, философов в рамках исторического процесса, возможно, не получают того адекватного отражения в нашей работе, которое они могли бы получить.

В этой связи обратим внимание, что сама рациональная реконструкция исторического процесса в принципе означает его представление как некоторой целенаправленной человеческой деятельности, которая, естественно, осуществляется по определенным правилам, связанным как с субъективными, так и объективными факторами в контексте правовой реальности.

Достаточно проблематично определить осознанность, рациональность поведения, которые составляют неотъемлемую черту социального действия. Дело в том, что поступки людей бывают осознанными, автоматически аффективными, например поведения людей в результате признаков страха, раздраженности, когда человек действует, не задумываясь о происходящем. Даже если такие действия направлены на людей, то в соответствии с теорией Вебера их нельзя считать социальными, другое дело если индивид

действует обдуманно, ставя перед собой цели и добиваясь их реализации, изменяет при этом поведение других людей. Такие действия можно считать социальными, однако многочисленные исследования показывают, что человек действует полностью осознанно в системе правовой реальности.

Высокая степень осознанности, целесообразности, скажем в действиях того же самого политика, борющегося со своими соперниками, во многом будет основана на интуиции, на чувствах. В подобном контексте полностью осознанное действие можно считать идеальной моделью, так как на практике весьма очевидно, что социальными действиями будут частично осознанные поступки, преследующие более или менее ясные цели.

Всякому социальному действию предшествуют социальные контакты, однако в отличие от них социальные действия – достаточно сложное явление. Любое социальное действие должно включать в себя: действующее лицо; потребность в активизации поведения; цель действия; метод действия; другое действующее лицо, на которое направлено действие; результат действия.

Сам перечень элементов, составляющих отдельные социальные действия, будет неполным, если не уделить внимание внешнему окружению действующего лица или самой ситуации; в этой связи следует обратить внимание на исследования в рамках ситуативных семантик.

Известно, что любой действующий человек не находится в изоляции, так как его окружает материальный, вещественный мир, культура, социальная сфера. В совокупности вещественных, социальных и культурных условий практически создается ситуация, которая придает выражение условиям действия и средствам действия.

Под условиями действия понимаются те элементы окружения, которые действующее лицо не может изменить, а средства – это те элементы, которые контролирует действующее лицо, при этом ни один индивид не совершает социальные действия без учета ситуации.

Обратим внимание на то, что ситуация входит в рамки социального действия через ориентацию индивида. В этой связи следует различать оценочную и мотивационную ориентацию индивида, что означает – каждый действующий индивид должен оценить свое окружение и с помощью мотивации внести коррективы в цель и методы совершения социального действия.

Однако если представить себе, например, двух отдельных друг от друга индивидов, один из которых пытается сознательно воздействовать на другого, то даже отсутствие социального окружения не избавит их от необходимости учитывать культурные нормы прежнего социального опыта.

Социальные действия в отличие от рефлексивных, импульсивных действий никогда не совершаются мгновенно, т.е. в полной мере используется параметр интервального времени, кроме того, в сознании деятельного индивида должно возникнуть достаточно устойчивое побуждение к активности в правовой сфере.

Подобное побуждение к совершению действия называется обычно мотивацией, т.е. мотивация – это совокупность факторов, механизмов и процессов, обеспечивающих возникновение побуждения достижения для индивида целей, иными словами мотивация – это такая сила, которая толкает индивида к совершению определенных действий.

Сам механизм социального действия содержит, таким образом, потребность мотивации и само действие. Конечно, в этой связи необходимо обратить внимание на такое понятие, как установка и конкретно – социальная установка.

В этом направлении приоритетным является тот факт, что любое социальное действие начинается с возникновения потребностей у индивида, придает им определенное направление. Это могут быть, например, потребности в общении, потребности в самоутверждении, самооценка.

Потребность соотносится индивидом с объектами внешней социальной среды, активизируя строго определенные мотивы. Мотивы каждого индивида придают социальному действию неповторимую индивидуальность. В этой связи социальный объект в соединении с активизированным объектом вызывает, конечно, весьма значительный познавательный интерес. В рамках возникновения этого интереса механизм социального действия осуществляется в пределах определенного контакта, и контакта не только пространственного и временного, но и контакта с точки зрения ценностных отношений.

Затем постепенное развитие интереса ведет к цели в отношении конкретных социальных объектов. При этом непосредственные выходы имеются на целерациональные действия и в границах концепции М.Вебера, и в рамках тех модификаций его концепции, которые получили исследовательский приоритет и которые имеют развитие в социально-философских контекстах.

Обратим внимание на то, что момент появления цели означает осознание индивидом ситуации, а также возможность дальнейшего развития субъективной активности, которая далее приведет к становлению и к формированию той же мотивационной установки, означающей потенциальную готовность к совершению социального действия.

Анализ человеческой деятельности показывает, что каждое социальное действие совершается в результате некоторой

субъективной активности, которая фактически формирует саму мотивацию.

В повседневной практике часто наблюдается почти мгновенное совершение социальных действий, которые кажутся немотивированными и в какой-то мере спонтанными. Однако если действующий индивид будет анализировать такие быстротечные действия, то он всегда сможет выделить первоначальную потребность, интерес и наконец формирование самой мотивационной установки.

Обратим внимание на то, что в данном случае социальное действие совершается в достаточно короткий промежуток времени, что в рамках постнеклассической науки ведет к исследованию весьма определенных темпоральных интервалов; с другой стороны – существуют социальные действия, процессы формирования мотивации которых могут быть столь длительными, что первоначальная последовательность забывается.

Вследствие чего создается впечатление, что мотивационная установка возникла сама по себе. Иными словами, создается видимость, что индивид действует только ради того, чтобы действовать, чтобы проявлять свою активность в рамках конкретной ситуации. Конечно, это не совсем так, ведь анализ, основанный на большом исследовательском материале, всегда указывает на существование «первоотчка» или своеобразной потребности, приводящей к совершению вполне конкретных действий. В этой связи представляется важным изучение генезиса и структуры социального действия.

При этом тип социальных действий следует соотносить со степенью контакта, со степенью сложности формирования социальных взаимодействий и взаимосвязей в правовой сфере.

С позиции рассмотрения в подобном контексте социальных взаимодействий следует обратить внимание на то, что выделение отдельных социальных действий весьма полезно при изучении социальных и исторических процессов. Вместе с тем даже простое наблюдение показывает, что социальные действия, рассматриваемые как попытка одного индивида или социальной группы изменить поведение другого индивида или группы, редко на практике встречаются в единично обособленном виде. То есть когда кто-нибудь пытается убедить в своей правоте другого, то весьма очевидно, что этот некий, другой может активно возражать, соглашаться или проявлять пассивность. Так или иначе он тоже совершает социальные действия. В результате этих ответных действий изменяется способ убеждения, его содержания, наконец тот же самый диалог может привести к тому, что деятельный субъект вынужден будет прекратить оказывать воздействие на поведение другого субъекта. Весьма очевидно, что,

совершая социальные действия, каждая личность испытывает на себе действия других людей, то есть происходит обмен действиями или социальное взаимодействие. Под социальным взаимодействием понимается система взаимообусловленных социальных действий, связанных циклической причинной зависимостью, при которой действия одного субъекта являются одновременно причиной и следствием ответных действий других субъектов. Это означает, что каждое социальное действие вызывается предшествующим социальным действием и одновременно является причиной предшествующих действий, то есть работает система взаимоотношений детерминистских и индетерминистских аспектов. В итоге социальные действия – это звенья неразрывной цепи, называемые взаимодействием, общаясь, например, с другими субъектами, сам деятельный субъект постоянно осуществляет социальные взаимодействия, которые еще разнообразнее по формам проявления, чем сами социальные действия.

В этой связи применение принципов трансцендентальной философии к основаниям социального познания требует не только известной доли неоднозначного отношения к объекту познания, но, прежде всего, своеобразной тактики саморазоблачения, способности тематизировать пространство некоторого познаваемого объекта. В этой связи предпосылочным и обусловленным со стороны «истории» оказывается не только эмпирический, но также трансцендентальный субъект, т.е. это определяет весь контекст концептуализации деятельностного социального субъекта.

В данном случае прежде всего источник индивидуальной конституции деятельностного субъекта не в нем самом, и не в другом деятельностном субъекте, а в некотором социокультурном контексте, который можно представить как сферу всех возможных деятельностных субъектов. Основным механизмом поддержания субъективной идентичности субъекта деятельности является постоянная идентификация, т.е. заимствование способов поведения и интеллектуальных действий у других подобных деятельностных субъектов. То есть в социальном пространстве постоянно осуществляется процесс взаимного конструирования участников социальных взаимодействий в рамках субъектно-субъективных и субъектно-объективных взаимоотношений.

Рациональный социальный субъект действительно может быть представлен как распределяющий угаданные количества средств между различными альтернативными социальными проектами, при этом главным будет то, что он старается угадать те потенциальные возможности, которые принесут ему наибольшее адекватное объяснение.

Заметим, что в той мере, в какой подобный поиск может быть включён в саму структуру рациональной деятельности социального субъекта в качестве своеобразного контекста для решения поставленных задач, он может так же предполагать другие контексты, связанные, например, как с достижением определённого результата, так и с предварительным согласованием тех же целей и средств в рамках исторического исследования.

Рассматривая рациональную деятельность социального субъекта с точки зрения её системного характера в рамках человеческой деятельности вообще, исследователь-историк фактически не может интерпретировать в подобных случаях решения, идущие в рамках социальной деятельности как простое вычисление, которое в принципе может уже быть принято путем механического оперирования имеющимися данными; или в принципе возможна ситуация, когда такое решение уже подразумевается в оперировании этими данными.

В подобном случае необходимо признать, что адекватное рациональное объяснение в рамках исторического процесса не может быть понято только в терминах максимизации, которая в данном случае, естественно, примет форму выбора одной из линий исторического поведения, а так как изначально заложен исторический рационализм, то это будет лучшая линия поведения, хотя, конечно, она будет проходить в рамках определенного рода обстоятельств, которые влияют на изначально задаваемые параметры рациональности.

Список литературы

- Музыка О.А., Попов В.В. Время и социальная синергика. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. – 256 с.
- Музыка О.А., Попов В.В., Фатыхова Е.М. Особенности оценки системного анализа социальных противоречий и переходных периодов в трансформациях современного российского общества // *Фундаментальные исследования*. – 2011. – № 8. – С. 190–194.
- Попов В.В. *Философия права Гегеля*. – Таганрог, 1995. – 40 с.
- Попов В.В. Социальное время и альтернативы развития будущего. // *Философия права – Ростов-на-Дону*, 2012. – № 4. – С. 7–10.
- Попов В.В. Социально-философский аспект исследования государственно-правовых явлений общественной жизни. – Таганрог, 1995. – 40 с.
- Попов В.В. К вопросу о философии власти Ильина. // *Юридический вестник*. – Ростов-на-Дону, 1999 – С. 52–57.
- Попов В.В. Значение языка в формировании правовой культуры. // *Язык образования и образование языка*. – Великий Новгород, 2000 – С. 29–35.
- Попов В.В. Легитимность российских политико-правовых институтов в условиях переходного периода: конфликтологический анализ // *Современные научные достижения*. – Днепропетровск, 2006. – С. 62–68.
- Попов В. В. Методологические и логико-семантические аспекты динамики социальной реальности // *Фундаментальные исследования*. – 2011. – № 12. – С. 399–404.
- Попов В. В. Особенности интерпретации социальных событий: факторы темпоральности и оценки // *Философия права*. – Ростов н/Д., 2011 – № 3. – С. 63–68.

11. Чаленко М.В., Попов В.В., Музыка О.А. Методологические и логико-семантические аспекты динамики социальной реальности // *Фундаментальные исследования*. – 2011. – № 12. – С. 399–404.

12. Popov V.V. Development of the modern theory of rationality // *International journal of applied and fundamental research – Munchen*, 2013. – P. 92–94.

13. Popov V.V. Rationality and freedom: inconsistency of discourse in modern science // *European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches – Stuttgart*, 2013. – P. 126–129.

14. Popov V.V. Methodological features of social contradictions // *Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives – Vienna*, 2014. – P. 215–219.

References

1. Muzyka O.A., Popov V.V. *Vremja i socialnaja sinergika*. Rostov n/D: Izd-vo JuFU, 2007. 256 p.

2. Muzyka O.A., Popov V.V., Fatyhova E.M. Osobennosti ocenki sistemnogo analiza socialnyh protivorechij i perehodnyh periodov v transformacijah sovremenno go rossijskogo obshhestva // *Fundamentalnye issledovanija*. 2011. no. 8. pp. 190–194.

3. Popov V.V. *Filosofija prava Gegelja*. Taganrog, 1995. 40 p.

4. Popov V.V. Socialnoe vremja i alternativny razvitija budushhego. // *Filosofija prava Rostov-na-Donu*, 2012. no. 4. pp. 7–10.

5. Popov V.V. Socialno-filosofskij aspekt issledovanija gosudarstvenno-pravovyh javlenij obshhestvennoj zhizni. Taganrog, 1995. 40 p.

6. Popov V.V. K voprosu o filosofii vlasti Ilina. // *Juridicheskij vestnik*. Rostov-na-Donu, 1999 pp. 52–57.

7. Popov V.V. Znachenie jazyka v formirovanii pravovoj kultury. // *Jazyk obrazovanija i obrazovanie jazyka*. Velikij Novgorod, 2000 pp. 29–35.

8. Popov V.V. Legitimnost rossijskikh politiko-pravovyh institutov v uslovijah perehodnogo perioda: konfliktologicheskij analiz // *Sovremennye nauchnye dostizhenija*. Dnepropetrovsk, 2006. pp. 62–68.

9. Popov V.V. Metodologicheskie i logiko-semanticheskie aspekty dinamiki socialnoj realnosti // *Fundamentalnye issledovanija* 2011. no. 12. pp. 399–404.

10. Popov V.V. Osobennosti interpretacii socialnyh sobytij: faktory temporalnosti i ocenki // *Filosofija prava*. Rostov n/D., 2011 no. 3. pp. 63–68.

11. Chalenko M.V., Popov V.V., Muzyka O.A. Metodologicheskie i logiko-semanticheskie aspekty dinamiki socialnoj realnosti // *Fundamentalnye issledovanija*. 2011. no. 12. pp. 399–404.

12. Popov V.V. Development of the modern theory of rationality // *International journal of applied and fundamental research Munchen*, 2013. pp. 92–94.

13. Popov V.V. Rationality and freedom: inconsistency of discourse in modern science // *European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches Stuttgart*, 2013. pp. 126–129.

14. Popov V.V. Methodological features of social contradictions // *Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives Vienna*, 2014. pp. 215–219.

Рецензенты:

Шолохов А.В., д.ф.н., профессор кафедры философии и социологии права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиал), ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет», г. Таганрог;

Щеглов Б.С., д.ф.н., профессор, профессор кафедры философии и социологии права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиал), ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет», г. Таганрог.